
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINALLY-REMEDIAL MEASURES OF CRIME FIGHTING

УДК 343.85

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).120-129](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).120-129)

МЕДИАЦИЯ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Х. Кури¹, О.Ю. Ильченко²

¹ Институт иностранного и международного уголовного права общества Макса Планка, г. Фрайбург, Германия

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

31 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

4 февраля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

31 марта 2015 г.

Ключевые слова

Наказание; медиация;
восстановительное правосудие;
уголовный процесс; разрешение
конflikта; примирительные
процедуры

Аннотация. Международные исследования показывают, что суровое наказание, возлагаемое на преступников, не является ни лучшим способом борьбы с незаконными деяниями, ни эффективным средством профилактики преступности и в конечном счете не способствует уменьшению правового конфликта в обществе. Большинство потерпевших, возможно лишь за исключением жертв особо тяжких преступлений, более заинтересованы в реституции, возмещении ущерба, причиненного преступником, чем в его наказании. Однако уголовное законодательство концентрируется в большей степени на наказании обидчика, используя жертву только в качестве свидетеля. В результате классического судебного разбирательства потерпевший должен удовлетвориться лишь тем, что преступник наказан, не более. Восстановительное правосудие и медиация помогают преодолевать разрыв между интересами потерпевшего и наказанием преступника, тем самым восстанавливая равновесие в обществе. В западных странах медиация, имеющая длительную историю развития, может проводиться на разных этапах судебного процесса (до, во время, после судебного разбирательства). Ближайшая цель процедуры — урегулирование конфликта путем примирения жертвы и правонарушителя; конечная цель — достижение социальной справедливости. В Российской Федерации использование медиации находится в стадии развития; наиболее часто к процедуре обращаются для разрешения семейных и жилищных правовых конфликтов. Для более широкого использования медиации необходимо, чтобы сама процедура, ее возможности и результаты стали хорошо известны населению, а также юристам и судьям. Кроме того, информационную поддержку следует дополнить данными о долгосрочных результатах медиации, об эффективности процедуры в деле профилактики рецидивной преступности.

MEDIATION AND RESTORATIVE JUSTICE AS TENDENCIES OF MODERN CRIMINAL PROCESS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Kury, Helmut¹, Il'chenko, Oksana Yu.²

¹ Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law, Freiburg, Germany

² Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Article info

Received

2014 October 31

Accepted

2015 February 4

Available online

2015 March 31

Keywords

Punishment; restorative justice;
mediation; criminal process; conflict
resolution; conciliation procedures

Abstract. Empirical research results from western countries more and more show that punishment has not a big effect on crime prevention, if at all. On the background of a critical discussion of the preventive effects of (sharper punishment) on crime rates, especially in USA, which has the highest imprisonment rate, much higher than in Russia, more and more traditional forms of dealing with crime were discussed and re-discovered, used hundreds of years ago in «traditional» societies. These forms of handling crime were often discussed under the topic of «mediation» or «restorative justice». The background for re-discovering these «old» forms of dealing with crime is that empirical criminological research could show the last decades more and more that the handling of the problem of crime used today, especially the sharp punishments like used especially in USA is obviously not the best way to deal with crime, to reduce the conflict in society. Punishing is also more expensive than the «alternatives», as can be seen especially in the USA, the country with the absolute highest incarceration rate all over the world the same time the country with a very high rate of violent crime. Especially the more and more re-discovered victimology and the foundation of victimology as an important part of criminology point out correctly that for a long time the victim of crime was forgotten, only used in modern trials as witness to proof the guilty of the offender. International research shows

clearly that most victims, may be with the exception of victims of very severe crimes, are more interested in restitution of the damage caused by an offender than in punishment of the offender first. But the state and the penal law is more concentrated on punishing the offender, uses the victim as witness not more. The victim has in classical penal procedures only the satisfaction that the offender is punished, not more. This might be not the primary interest of the victim as research more and more show. Mediation tries to bridge between the interests of the victim, punishment and restoration of peace in society. «Restorative justice presents a different approach to achieving justice than the traditional court system. Whereas court systems depend on punitive measures and do not attend to victim concerns, restorative justice focuses on repairing the harm caused by an offense, bringing the offender back into society, and giving all actors affected by the crime (the offender, the victim and the community) a direct voice in the justice process». Very important for a broader use of mediation is that it is well known in the population but also in the group of lawyers, especially judges.

Медиация является историческим способом разрешения уголовно-правовых конфликтов. В прошлом медиация была естественной частью процесса урегулирования противоречий, связанных с преступлением [14, S. 8]. Например, Кодекс Хаммурапи, созданный приблизительно в 1750-х гг. до н.э., кроме суровых наказаний содержал также подробные правила реституции для потерпевшего от правонарушителя, например, в случаях хищения или нанесения телесных повреждений. Свободные правила реституции были введены как способы регуляции конфликтов в большинстве обществ. Вопросы реституции обсуждаются и в Библии. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, библейское правосудие призвано не восстанавливать нарушенную преступлением справедливость, а стремиться путем применения восстановительных процедур к достижению идеала, минимизирующего или исключаящего саму возможность совершения преступлений, основанного на потребностях вовлеченных в уголовно-правовой конфликт людей [5, с. 60].

Салическая правда, написанная между 507 и 511 гг. от Рождества Христова, определяет реституцию как оплату, произведенную правонарушителем потерпевшему от различных преступлений [14, S. 13]. В следующих столетиях значение реституции уменьшалось по указам правителей, которые были заинтересованы в установлении новых правил, создаваемых ими в целях укрепления власти. Новая концепция авторитарного наказания больше не оставляла места для реституции. Акцент сместился с интеграции к исключению: преступник должен быть изолирован от общества. Н. Кристи указывает, что как только решение правовых конфликтов стало прерогативой государства, положение жертвы свелось лишь к роли свидетеля преступления, что наблюдается до сих пор [13, p. 10].

Между тем результаты эмпирических исследований, проведенных во многих западных странах, убедительно доказывают, что наказание незначительно влияет на уровень преступности и ее профилактику, если влияет вообще. Искаженное средствами массовой информации представление о масштабах и формах преступлений может быть одной из причин стремления к ужесточению наказания, наблюдаемого в последние годы. Общество имеет ограниченное представление о преступном поведении и об эффективности наказания. Так, во всем мире отмечается тенденция сокращения количества совершенных тяжких преступлений, в том числе случаев сексуального насилия над детьми. Однако результаты опросов общественного мнения демонстрируют: население полагает, что число подобных деяний растет. СМИ активно рассказывают о таких преступлениях, выбирая для публикаций самые шокирующие случаи. В результате у людей складывается ошибочное впечатление, что проблема является серьезной и широко распространенной. Также индустрия охраны и безопасности чрезвычайно заинтересована в формировании подобного мнения, формируя страх перед преступностью для того, чтобы обеспечить спрос на свою продукцию.

Критика эффективности наказания как профилактической меры основывается на ряде фактов. Так, в США — стране, которая имеет очень высокий показатель по числу приговоров в виде лишения свободы, превышающий аналогичный показатель в России и в других странах, отмечается значительный уровень преступности. Такие показатели, как число заключенных в тюрьмах, количество приговоров в виде смертной казни, значительно различаются в разных штатах Америки, не оказывая влияния на уровень преступности в них. Напротив, в южных штатах, до сих пор практику-

ющих применение смертной казни, совершается больше убийств, чем в штатах на севере страны, в которых смертная казнь не применяется. «Закон трех ударов» также привел к резкому возрастанию числа людей, заключенных в тюрьмы, и к увеличению сроков наказания для преступников-рецидивистов, не принеся желаемого эффекта в виде снижения уровня преступности. Предполагалось, что закон будет способствовать уменьшению числа насильственных преступлений, поскольку для преступников-рецидивистов предусмотрено практически пожизненное тюремное заключение. Однако анализ данных указывает на то, что города и штаты, которые решительно и неумолимо вводили «закон трех ударов», не ощутили более значимого снижения в какой-либо из категорий преступлений, чем менее решительные административные единицы [23, р. 5].

Ужесточение применения наказания в США часто связывают также с введением политики «нулевой толерантности», принятой в Нью-Йорке, которая предусматривает наказание за любой проступок, например за загрязнение окружающей среды (выбрасывание сигареты на мостовую). Однако детальный анализ ситуации показал, что спад преступности в Нью-Йорке начался за годы до внедрения политики «нулевой толерантности». Снижение преступности произошло в одно и то же время не только в Нью-Йорке, но и в других крупных городах Америки, в которых программа не осуществлялась [10].

Следует отметить, что за последние 40 лет в Соединенных Штатах Америки число заключенных увеличилось более чем на 2 млн человек. Резкий рост числа заключенных вызвал необходимость строительства новых тюрем. Строительство и эксплуатация тюремных учреждений все в большей мере переходят в частные руки, что приводит к процветанию «тюремной индустрии». При такой идеологии бенефициары «тюремной индустрии» могут быть совсем не заинтересованы в сокращении числа заключенных и либерализации уголовного законодательства [3, с. 245].

В Финляндии — стране, которая служит примером успешной декарцерации (массового освобождения от тюремного заключения), реформирование уголовно-правовой сферы понималось как часть изменения всей социальной политики страны. В то время как численность заключенных в Дании, Швеции и Норвегии с 1950 по 2000 г. практически не изменилась, в Финляндии, благо-

даря процессам декриминализации, количество заключенных уменьшилось почти на треть. В результате изменения, произошедшие за 40 лет, привели к тому, что если раньше заключалось под стражу три человека, то теперь лишился свободы лишь один. Освобождение из тюрем «было бы невозможным без политического консенсуса и принципиальных соглашений» [21, р. 281].

Если бы тюремное заключение как самый жестокий после смертной казни вид наказания имело, как предполагается, значимый уголовно-превентивный эффект, то после очевидного снижения суровости и масштабов применения наказаний, а также быстрого распространения информации среди населения посредством СМИ в стране можно было бы ожидать значительного подъема уровня преступности, но этого не произошло [3, с. 246].

Результаты исследований, проведенных в различных федеральных землях Германии и в кантонах Швейцарии, также подтверждают, что жестокие виды наказания имеют незначительный превентивный эффект. Р. Шторц изучил зависимость между первым преступлением (чаще всего «мелким хищением»), совершенным молодыми людьми, полученным за него наказанием и повторным преступлением, совершенным в течение трех лет после первого. С одной стороны, результаты продемонстрировали четкие различия в пропорциях обвинительных приговоров, вынесенных в разных федеральных землях. Например, в Гамбурге фиксируется примерно в 2 раза больше эпизодов по сравнению с Рейнланд-Пфальцем или Баден-Вюртембергом. С другой стороны, изучение случаев повторных преступлений, совершенных в течение трех лет после первого, показало, что жесткость санкций не оказала никакого воздействия на частоту рецидивных преступлений. Как в Рейнланд-Пфальце, так и в Гамбурге регистрируется примерно 30 % повторных преступлений [26].

В другом аналогичном исследовании, проведенном на материалах 26 кантонов Швейцарии, также изучалась зависимость между рецидивом и полученным в первый раз наказанием в виде лишения свободы или условного осуждения, вынесенным за совершение таких преступлений, как мелкие кражи, нарушения правил дорожного движения, вождение в состоянии опьянения. Здесь наблюдается аналогичная картина. Жесткость наказания значительно различается

в разных кантонах, и никакого доказанного воздействия на количество повторных преступлений она не оказывает. Так, в кантоне Аппенцель-Ауссерроден арест применялся чуть более чем в 20 % случаев, что представляет собой мягкую реакцию, и в 90 % — в кантоне Обвальден, что свидетельствует о жестком подходе к наказанию. Тем не менее число повторных преступлений во всех кантонах примерно одинаковое — от 10 до 15 % [26].

В конце 1990-х гг. Португалия испытывала серьезные проблемы с наркотиками. На этом фоне правительство учредило международную комиссию, призванную разработать рекомендации для решения проблемы. Комиссия рекомендовала осуществить значительную декриминализацию употребления наркотиков, а также оказывать большую помощь наркозависимым. В результате в ноябре 2000 г. Португалия приняла программу, согласно которой хранение наркотиков в целях личного употребления и само употребление наркотиков были декриминализованы, наркоману были предложены помощь и поддержка, в то время как торговля наркотиками осталась неизменно наказуемым деянием. После принятия закона официальная численность лиц, употребляющих наркотики, увеличилась. Тем не менее большим достижением в борьбе с наркоманией и в снижении ее последствий стало возросшее число обращений наркоманов в медицинские учреждения. Смертность из-за употребления наркотиков и СПИДа, которая в Португалии была самой высокой среди европейских стран в 2000 г., снизилась с началом процесса декриминализации.

В России изменение отношения к наказанию тесно связано с социально-историческим контекстом. Резкое ужесточение налагаемых санкций пришлось на годы репрессий. Снижение уровня преступности и количества заключенных происходит в периоды оттепели (1963–1965) и перестройки (1986–1988). С начала 1990-х гг. в России наблюдается увеличение числа заключенных. Оно возросло вдвое — с 573 тыс. в 1993 г. до 1 100 тыс. в 1998 г., что в значительной степени обусловлено трансформационными процессами, социально-экономическими реформами, приведшими к обнищанию большей части населения страны, изменением нравственно-идеологического сознания людей. По мнению В.И. Радченко, в нашей стране число осужденных зависит не столько от объективного состояния правопо-

рядка, сколько от законов и практики их применения. С 1992 по 2007 г. в стране осуждено свыше 15 млн человек, т.е. более чем каждый десятый из 140-миллионного населения. Из них лишено свободы более 5 млн человек [6, с. 67]. В современной России рост количества осужденных, включая приговоренных к лишению свободы, значительно опережает рост преступности. Причем население страны за это же время сократилось, следовательно, количество осужденных увеличивается еще быстрее [1].

В Уголовном кодексе, вступившем в силу в 1997 г., отчетливо просматривается тенденция к ужесточению наказания по сравнению с предыдущей версией Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. В настоящее время, как отмечает профессор А.И. Коробеев, происходит следующее: «Кодекс разбух до неприличия в результате мутного вала нескончаемой криминализации. За 16 лет действия УК РФ осуществлено свыше 60 актов криминализации» [2, с. 117].

Таким образом, краткий обзор криминологических исследований и тенденций применения наказания демонстрирует, что воздействие на проблему преступности, осуществляемое в настоящее время, особенно суровое наказание, является не лучшим способом борьбы с преступностью, не способствует уменьшению правового конфликта в обществе. Потерпевшие и правонарушители все больше и больше не удовлетворены сложившимся способом регулирования. Кроме того, наблюдается возврат интереса к виктимологии как важной части криминологии, которая особенно критикует практику официального разрешения правовых конфликтов судами. С позиции виктимологии, потерпевший должен иметь больше прав, поэтому к процедуре медиации обращаются все чаще и чаще.

Медиация рассматривается как процедура, позволяющая жертве и правонарушителю урегулировать конфликт путем примирения. Интересы обеих сторон соблюдаются независимым экспертом.

Дж. Брайтвэйт считает, что следует различать медиацию и восстановительное правосудие. Автор пишет, что медиация между жертвой и правонарушителем может быть описана как процесс, исключающий участие в нем других заинтересованных сторон, например семьи преступника. В отличие от этого восстановительное правосудие — «идеальный процесс, в котором

все заинтересованные стороны, пострадавшие от какого-либо преступления, имеют возможность собраться вместе для того, чтобы обсудить последствия деяния и сделать все возможное, чтобы исправить несправедливость, понять потребности пострадавших» [12]. На основе этого определяется, что взаимодействие «один на один (жертва и правонарушитель) — это медиация; но не восстановительная сессия, в которую потерпевшие и правонарушители могут ввести свои семьи и других сторонников. Для участия в сессии восстановительного правосудия обе стороны: потерпевшие и правонарушители — могут пригласить людей, которые пользуются их особым уважением и доверием, чтобы те поддержали их» [12].

По мнению Ю.Е. Пудовочкина, восстановительные процедуры, или реститутивная парадигма воздействия на преступность, не ограничиваются только восстановлением нарушенных прав потерпевшего. «Реституция есть восстановление, а точнее, стремление к достижению социальной справедливости посредством реализации специальных процедур, направленных на удовлетворение потребностей преступника и его жертвы. Минимизация социальных последствий преступлений может идти в двух направлениях: во-первых, восстановление экономического и социально-психологического статуса потерпевшего; во-вторых, социально-психологическая реабилитация и социальная реинтеграция преступника» [5, с. 62].

Д. Громет считает, что восстановительное правосудие представляет собой иной подход к достижению справедливости, отличный от традиционной судебной системы. «В то время как традиционные суды нацелены оказать карающее воздействие и не принимают во внимание проблемы потерпевших, восстановительное правосудие фокусируется на возмещении ущерба, причиненного в результате преступления, реинтеграции преступника в общество, предоставляя возможность всем сторонам, вовлеченным в деяние (преступник, жертва и общество), право голоса в процессе отправления правосудия» [15, р. 40].

Важно отметить, что восстановительное правосудие имеет дело не только с процессами, но и с ценностями. «Речь идет о том, что если преступление ранит, то справедливость должна лечить. Главной ценностью восстановительного правосудия является отсутствие давления» [12, р. 100].

Это ведет к расширению прав и возможностей, что, в свою очередь, означает использование дополнительных преимуществ восстановительного правосудия, таких как прощение, исцеление и извинение, имеющих самостоятельную ценность. Если жертва хочет получить возмездие вместо возмещения убытков, то это также допустимо. «Но так как отсутствие давления является фундаментальной ценностью, которая стимулирует операциональную ценность расширения прав и возможностей, то люди в своем стремлении к мести не должны нарушать основные человеческие права» [12, р. 110].

Согласно мнению ученых, разница между восстановительным и уголовным правосудием ярче всего проявляется в следующем: 1) преступность в восстановительном правосудии понимается не как нарушение абстрактной правовой установки, но как социальный вред; 2) в уголовном правосудии основным коллективным агентом является государство, в то время как в восстановительной юстиции под коллективом подразумевается местное сообщество; 3) ответ на преступления — это определенный набор процедур, не исходящих сверху вниз, но направленных снизу вверх с участием, на правах совещательного голоса, тех, кто прямо заинтересован в последствиях; 4) в отличие от формализованного и рационального уголовно-процессуального правосудия, процессы восстановительного правосудия являются неофициальными и допускают проявление эмоций и чувств; 5) итог восстановительного правосудия — это не только пропорциональное возмещение ущерба, но и социально приемлемое или восстановительное решение проблемы, вызванной преступлением; 6) справедливость в уголовном правосудии определяется «объективно», основываясь на законах, в то время как в восстановительном правосудии рассматривается в основном как результат субъективно-нравственного опыта [27, р. 559].

В то же время в последние годы различия между уголовным и восстановительным правосудием уменьшились. «Становится очевидным, что четкая граница между восстановительным и уголовным правосудием не является устойчивой, как это было изначально» [27, р. 560].

Существует множество схем того, как восстановительное правосудие может быть реализовано практически. «Нет согласия среди сторонников восстановительной юстиции о том, как

именно восстановительное правосудие должно осуществляться и какие отношения иметь с системой уголовной юстиции» [29, р. 91]. К. Хопт и Ф. Штефек на основании проведенного международного сравнительного исследования указывают, что определение и практическое применение медиации сильно различаются в разных правовых системах [17, S. 12]. Важным элементом медиации является реституция между потерпевшим и правонарушителем.

Однако в этом вопросе нет согласия. Так, по мнению одних авторов, медиация и возмездие несовместимы и не могут быть объединены [12]. Другие авторы считают, что сочетание обеих процедур может быть лучшим способом разрешения правовых конфликтов. Как пишет Громет, «возмездие является важным компонентом адресного заглаживания вины, и сочетание восстановления и возмездия позволяет лучше добиться справедливости. С этой точки зрения только восстановление также отвергается в качестве единственного приемлемого ответа на правонарушение. Сторонники этой модели утверждают, что и жертва, и общество имеют право желать возмездия за преступление, которое было совершено против них» [15, р. 45]. Также Громет указывает, что «в интегративной модели восстановительного правосудия... восстановление и возмездие не обязательно конкурируют... Сочетание восстановления и возмездия может обеспечить лучший ответ на преступление, чем самостоятельный отклик этих компонентов, поскольку несколько целей могут быть достигнуты... цели правосудия в отношении восстановления как реабилитации и возмездия как наказания правонарушителя, реституция и восстановление статуса пострадавшего, поддержка ценностей, принятых в обществе, обновление общества» [15, р. 45].

Хопт и Штефек на страницах своей книги приводят информацию о развитии медиации в европейских странах [17]. Существуют различные формы посредничества: процедура может проводиться до официального судебного разбирательства, в ходе судебного разбирательства или после этого, даже во время нахождения преступника в тюрьме. Медиация используется для решения не только судебных споров, но и конфликтов между различными группами, в том числе в школе или в семье. Имеются различия между странами в реализации принципов медиации. В Германии появляется все больше

инициатив использовать медиацию и восстановительное правосудие в широком спектре уголовных дел, особенно с учетом положительных последствий процедуры. Немецкая служба пробации, основываясь на решении правительства Германии, создала бюро обслуживания — реституции потерпевших и правонарушителей. Как показывают данные общенациональной статистики, все больше и больше сервисных бюро занимается разрешением правовых конфликтов. В 2012 г. Бундестаг принял «Закон о развитии медиации и других процедур внесудебного урегулирования конфликтов».

В то время как в западных странах восстановительное правосудие получило развитие с начала 1980-х гг. и с течением времени используется все активнее, в странах Восточной Европы инициативы слабее, имеется меньше информации и исследований. Дж. Вилемсенс и Л. Волгрейв указывают: «Хотя в ряде стран Центральной и Восточной Европы практика медиации между потерпевшим и правонарушителем уже хорошо известна (например, в Польше, Чехии, Словении), другие все еще пытаются предпринять первые шаги» [28, р. 491].

Вилемсенс и Волгрейв на основе собственного исследования сформулировали несколько препятствий, возникающих в процессе сотрудничества с Восточной Европой по вопросам медиации. Авторы относят к ним: 1) существенное одобрение политики наказания общественностью и официальными лицами (см. также: [19]); 2) не критичное отношение к тюремному заключению; 3) сопротивление полиции, прокуроров и судей, которые опасаются конкуренции; 4) пассивное гражданское общество и ослабленная легитимность государства и его институтов; 5) ограниченное доверие к негосударственным организациям и их профессиональным возможностям; 6) отсутствие информации о восстановительном правосудии и его программах; 7) нестабильная экономическая ситуация, что затрудняет ведение проектов; 8) отсутствие традиции сотрудничества и диалога в ряде секторов экономики; 9) общая потеря надежды на лучшее будущее, настроение уныния и цинизма; 10) распространение семейственности и даже коррупции в системе уголовного правосудия; 11) административные и финансовые запреты для агентств, что снижает качество их работы [28, р. 491]. Многие из этих положений справедливы и для Российской Федерации.

Медиация в России — относительно новая тема, которая не так много обсуждается, опыт работы с преступлениями с помощью данной процедуры незначителен [20, S. 837]. До 2010 г. правовое регулирование медиации фактически отсутствовало. Исключением являлся Арбитражный процессуальный кодекс РФ, в ст. 135 (ч. 1, п. 2) которого указано, что судья «разъясняет сторонам их право обратиться за содействием к посреднику в целях урегулирования спора». Статьей 138 данного кодекса установлено, что арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора; так, стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры [4, с. 162].

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» вступил в силу с 1 января 2011 г. Данный нормативный акт создает правовые основания для становления и развития медиации в Российской Федерации, является практическим шагом к реализации мероприятий по внедрению примирительных процедур. В 2011 г. в 27 регионах России были созданы центры и некоммерческие партнерства, обеспечивающие проведение процедуры медиации. В основном медиация применяется по делам о защите прав потребителей, по жилищным и семейным спорам. По результатам проведенной медиации стороны чаще всего заключают медиативное соглашение, которое впоследствии, как правило, утверждается судом в качестве мирового соглашения. В отличие от судебного разбирательства, при медиации не может быть третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования или не заявляющих их. Медиатор в России не является субъектом спорного правоотношения и не может быть представителем одной из сторон. Он выступает лишь в качестве посредника, с помощью которого участники самостоятельно и добровольно принимают решение [7]. Эмпирические данные, касающиеся процедуры медиации в России, публикуются редко. Например, по доступным данным Санкт-Петербургского центра разрешения конфликтов, в период с 1994 по 2006 г. было реализовано 520 процедур медиации, в 89 % случаев мероприятие было успешным. Заслуга медиации в России заключается в уменьшении нагрузки на суды и вышестоящие инстанции.

Вопрос об эффективности программ восстановительного правосудия и медиации является открытым. Хопт и Штефек указывают, что эффект восстановительного правосудия и медиации коррелирует с правовой ситуацией в стране и общепринятой культурой разрешения конфликтов в обществе [17, S. 77].

С одной стороны, некоторые авторы пишут о том, что позитивное воздействие восстановительного правосудия наблюдается на нескольких уровнях, начиная с впервые совершенных преступлений и заканчивая преступлениями средней тяжести и более серьезными насильственными деяниями [9; 16]. В отличие от развития ресоциализирующих программ в тюрьмах, итоги которых не всегда положительные, результаты, доказывающие влияние восстановительного правосудия, характеризуются более стабильным положительным эффектом. «Большинство исследований восстановительных программ, в том числе последние метаанализы, указывают на положительное влияние... и некоторые полагают, что восстановительные программы могут иметь такой же или более сильный эффект, чем многие программы терапии...» [11; 25].

Х. Хайес также отмечает, что восстановительное правосудие оказывает положительное воздействие на правонарушителя и жертву: «Кажется очевидным, что процесс восстановительного правосудия несет преимущества для потерпевших, правонарушителей и общества. Жертвы получают выгоду от активного участия в процессе отправления правосудия. Нарушители имеют возможность загладить причиненный вред и возместить ущерб. Общество, оказывая социальную помощь по месту жительства, извлекает выгоду из преодоления конфликта путем восстановительных процедур... В этом смысле восстановительное правосудие добивается сразу нескольких целей: привлекает правонарушителей к ответственности, предоставляет возможность загладить свою вину символическим и материальными способами, поощряет взаимодействие между преступниками, жертвами и сообществами социальной помощи по месту жительства» [16, р. 426]. Таким образом, все заинтересованные стороны получают положительные результаты, если процедура проведена хорошо.

С другой стороны, в настоящее время острым остается вопрос о возможности рециди-

ва после проведения процедур медиации и восстановительного правосудия.

Исследования, проведенные по данной проблеме, имеют трудности с методологией: на некоторые вопросы очень непросто ответить и сложно отследить зависимость. Также нелегко найти доказательства эффективности таких сложных процедур, как медиация и восстановительное правосудие. Здесь мы сталкиваемся со сходными проблемами, которые встречали десятилетия назад, исследуя результаты реализации терапевтических программ для правонарушителей [22]. Восстановительное правосудие представляет собой свободную и сложную концепцию, процедура которой в разных проектах часто очень различается. Некоторые проекты могут иметь очень хорошую теоретическую основу, но реальная процедура отличается от теории [18, р. 116]. Проведение экспериментальных исследований ограничено этическими нормами.

Брейтвэйт, один из отцов-основателей восстановительного правосудия, считает, что его положительные эффекты впечатляют, в том числе в плане снижения уровня рецидива. «Восстановительное правосудие является более успешным в том, что правонарушители берут на себя ответственность за преступления. Это происходит потому, что они испытывают больше угрызений совести, чем при традиционных процессах уголовного права» [12]. Данный эффект медиации может быть использован во многих сферах, например, распространение травли в школах (буллинг) может быть значительно уменьшено.

Другие авторы отмечают, что сокращение рецидива преступлений не должно быть основным фокусом внимания восстановительного правосудия [24]. Очень важный аспект заключается в том, чтобы помочь пострадавшим избавиться от негативных последствий. «Вместо того чтобы сосредоточить эмпирическое изучение непосредственно на повторных правонарушениях, возможно, исследователям следует попытаться лучше понять весь комплекс последствий восстановительных процессов» [16, р. 440].

Результаты международных исследований позволяют ученым прийти к выводу, что медиация является очень плодотворным и позитивным методом, способствующим снижению числа конфликтов в обществе [17, S. 79]. Медиация требует меньше времени и стоит дешевле, чем

классические процедуры. Исследования Н. Балса показали: более 90 % правонарушителей и жертв отметили, что медиация — это хороший способ примирения, 80 % жертв преступлений и 57,1 % правонарушителей посчитали, что их дело было рассмотрено очень справедливо [8].

С учетом всего вышесказанного Хейс приходит к окончательному выводу: «Несмотря на результаты, которые показывают недостаточную эффективность восстановительного правосудия... а в некоторых случаях даже увеличение числа правонарушений... перевес данных научных исследований по восстановительному правосудию, с одной стороны, и рецидива — с другой, кажется, склонился в положительном направлении, демонстрируя, что восстановительное правосудие имеет потенциал для снижения преступности. Я не делаю окончательных заявлений о способности восстановительного правосудия предотвращать преступления, потому что, на данном этапе, мы просто знаем недостаточно о том, как и каким образом восстановительное правосудие повлияет на поведение правонарушителей в будущем. Однако я предполагаю, что, в конечном счете, восстановительное правосудие «работает» [16, р. 440]. Восстановительное правосудие приводит к снижению рецидивной преступности, но изучение опыта и последствий подобного регулирования остается очень важной темой.

Таким образом, международный опыт показывает, что применение процедур медиации и восстановительного правосудия в рамках существующей уголовно-исполнительной системы — это непростое дело, требуется время, чтобы оценить все преимущества процедур. Информировать о них следует как профессиональное сообщество, так и рядовых членов общества. Большинство потерпевших от преступлений, возможно за исключением жертв очень серьезных деяний, готовы сотрудничать после получения информации о порядке и возможностях процедуры. Медиация также очень важна для правонарушителей, так как позволяет им осознать вину и демонстрирует варианты возмещения причиненного ущерба. Взаимодействие правонарушителей и жертв ведет к более глубокому, личностному осознанию вины. Правонарушители понимают не только то, что они несут ответственность за то, что совершили, но также и то, что общество заинтересовано в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский Я.И. Наказание: криминологический подход / Я.И. Гилинский // Отечественные записки. — 2008. — № 2. — С. 73–92.
2. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: от стагнации к гиперинфляции // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 2. — С. 115–121.
3. Кури Х. Эффективность наказания: результаты международных исследований / Х. Кури, О.Ю. Ильченко // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 2 (26). — С. 240–256.
4. Мельниченко Р.Г. Медиация как способ разрешения конфликтов / Р.Г. Мельниченко // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах. — Казань : Казан. ун-т, 2012. — С. 160–178.
5. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю.Е. Пудовочкин, С.С. Пирвагидов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 297 с.
6. Радченко В.И. Хорошо сидим: почти четверть мужского населения уже прошла тюремные университеты / В.И. Радченко // Вестник Федеральной палаты адвокатов. — 2008. — № 4. — С. 67–73.
7. Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70120182/?prime#ixzz3411A5Ogg>.
8. Bals N. Täter-Opfer-Ausgleich — Cui bono? Befunde einer Befragung von Geschädigten und Beschuldigten / N. Bals // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. — 2006. — № 89. — S. 131–145.
9. Bazemore G. Evaluation of restorative justice / G. Bazemore, L. Elis // Johnstone G., Van Ness D.W. Handbook of Restorative Justice. — Cullompton : Willan Publishing, 2007. — P. 397–425.
10. Blumstein A. The crime drop in America / A. Blumstein, J. Wallman. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. — 238 p.
11. Bonta J. Quasi-experimental evaluation of an intensive rehabilitation supervision program / J. Bonta, S. Wallace-Capretta, J. Rooney // Criminal Justice and Behaviour. — 2000. — № 27. — P. 312–329.
12. Braithwaite J. Restorative Justice: Assessing Optimistic and Pessimistic Accounts / J. Braithwaite // Crime and Justice: A Review of Research. — 1999. — Vol. 25. — P. 1–127.
13. Christie N. Conflicts as Property / N. Christie // British Journal of Criminology. — 1997. — № 17. — P. 1–26.
14. Frühauf L. Wiedergutmachung zwischen Täter und Opfer. Eine neue Alternative in der strafrechtlichen Sanktionspraxis / L. Frühauf. — Gelsenkirchen : Verlag Dr. Mannhold, 1988. — 340 S.
15. Gromet D.M. Psychological perspectives on the place of restorative justice in criminal justice systems / D.M. Gromet. — Chichester : Wiley-Blackwell, 2009. — 184 p.
16. Hayes H. Reoffending and restorative justice: Handbook of Restorative Justice / H. Hayes. — Cullompton, UK : Willan Publishing, 2007. — 650 p.
17. Hopt K.J. Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen / K.J. Hopt, F. Steffek. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. — 1175 S.
18. Hoyle C. Securing restorative justice for the non-participating' victim / C. Hoyle. — Oxford ; Portland, Oregon : Hart Publishing, 2002. — 243 p.
19. Kury H. Punitivity — International Developments : 3 Vol. / H. Kury, E. Shea. — Bochum : Universitätsverlag Brockmeyer, 2011. — Vol. 3. — 384 S.
20. Kurzynsky-Singer E. Mediation in Russland / E. Kurzynsky-Singer. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. — 1175 S.
21. Lappi-Seppälä T. Changes in Penal Policy in Finland / T. Lappi-Seppälä. — Studienverlag Dr. Brockmeyer, 2011. — 440 p.
22. Lipton D.S. The Effectiveness of Correctional Treatment: A Survey of Treatment Evaluation Studies / D.S. Lipton, R. Martinson, J. Wilks. — N.Y. : Praeger Publishers, 1975. — 735 p.
23. Males M. The California Miracle: Drastically Reduced Youth Incarceration, Drastically Reduced Youth Crime / M. Males, D. Macallair. — San Francisco : Center on Juvenile & Criminal Justice, 2010. — 125 p.
24. Morris A. Critiquing the critics: A brief response to critics of restorative justice / A. Morris // British Journal of Criminology. — 2002. — № 42. — P. 596–615.
25. Nugent W. Participation in victim-offender mediation and the prevalence of subsequent delinquent behaviour: A meta-analysis / W. Nugent, M. Williams, M.S. Umbreit // Utah Law Review. — 2003. — P. 137–166.
26. Storz R. Strafrechtliche Verurteilungen und Rückfallraten / R. Storz. — Bern : Bundesamt für Statistik, 1997. — 24 S.
27. Walgrave L. Integrating Criminal justice and Restorative justice / L. Walgrave. — Willan Publishing, 2007.
28. Willemsens J. Europe / J. Willemsens, L. Walgrave. — Cullompton : Willan Publishing, 2007. — 978 p.
29. Wright M. Alternative visions of restorative justice / M. Wright, M. Zernova. — Cullompton, Devon : Willan Publishing, 2007. — 162 p.

REFERENCES

1. Gilinskii Ya.I. Punishment: criminological approach. *Otechestvennye zapiski = Homeland Writings*, 2008, no. 2, pp. 73–92. (In Russian).
2. Korobeev A.I. Criminal legal legislative policy in Russia: from stagnancy to hyperinflation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2013, no. 2, pp. 115–121. (In Russian).
3. Kuri Kh., Il'chenko O.Yu. Punishment effectiveness: international research results. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current issues of economy and law*, 2013, no. 2 (26), pp. 240–256. (In Russian).

4. Mel'nichenko R.G. Mediation as a conflict resolution. *Sotsial'nyi konflikt v razlichnykh normativno-semioticheskikh sistemakh* [Social conflict in different regulatory semiotic systems]. Kazan' University Publ., 2012, pp. 160–178. (In Russian).
5. Pudovochkin Yu.E., Pirvagidov S.S. *Ponyatie, printsipy i istochniki ugovnogo prava: sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [Definition, principles and sources of criminal law: comparative and legal analysis of Russian and CIS legislation]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 297 p.
6. Radchenko V.I. Serving time well: Almost 25 % of males already been to prisons. *Vestnik Federal'noi palaty advokatov = Federal Chamber of Lawyers Bulletin*, 2008, no. 4, pp. 67–73. (In Russian).
7. Report on «Alternative conflicts' resolution procedure with help of mediators (mediation procedure)» application practice. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70120182/?prime#ixzz341A5Ogg>. (In Russian).
8. Bals N. Täter-Opfer-Ausgleich — Cui bono? Befunde einer Befragung von Geschädigten und Beschuldigten. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 2006, no. 89, S. 131–145.
9. Bazemore G., Elis L. Evaluation of restorative justice. In Johnstone G., Van Ness D.W. (eds). *Handbook of Restorative Justice*. Cullompton, Willan Publishing, 2007, pp. 397–425.
10. Blumstein A., Wallman J. *The crime drop in America*. Cambridge University Press, 2006. 238 p.
11. Bonta J., Wallace-Capretta S., Rooney J. Quasi-experimental evaluation of an intensive rehabilitation supervision program. *Criminal Justice and Behaviour*, 2000, no. 27, pp. 312–329.
12. Braithwaite J. Restorative Justice: Assessing Optimistic and Pessimistic Accounts. *Crime and Justice: A Review of Research*, 1999, vol. 25, pp. 1–127.
13. Christie N. Conflicts as Property. *British Journal of Criminology*, 1997, no. 17, pp. 1–26.
14. Frühauf L. *Wiedergutmachung zwischen Täter und Opfer. Eine neue Alternative in der strafrechtlichen Sanktionspraxis*. Gelsenkirchen, Verlag Dr. Mannhold, 1988. 340 S.
15. Gromet D.M. *Psychological perspectives on the place of restorative justice in criminal justice systems*. Chichester, Wiley-Blackwell, 2009. 184 p.
16. Hayes H. *Reoffending and restorative justice: Handbook of Restorative Justice*. Cullompton, UK, Willan Publishing, 2007. 650 p.
17. Hopt K.J., Steffek F. *Mediation. Rechtsstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008. 1175 S.
18. Hoyle C. *Securing restorative justice for the non-participating' victim*. Oxford, Portland, Oregon, Hart Publishing, 2002. 243 p.
19. Kury H., Shea. E. *Punitivity — International Developments*. Bochum, Universitätsverlag Brockmeyer, 2011. Vol. 3. 384 S.
20. Kurzynsky-Singer E. *Mediation in Russland*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008. 1175 S.
21. Lappi-Seppälä T. *Changes in Penal Policy in Finland*. Studienverlag Dr. Brockmeyer, 2011. 440 p.
22. Lipton D.S., Martinson R., Wilks. J. *The Effectiveness of Correctional Treatment: A Survey of Treatment Evaluation Studie*. N.Y., Praeger Publishers, 1975. 735 p.
23. Males M., Macallair. D. *The California Miracle: Drastically Reduced Youth Incarceration, Drastically Reduced Youth Crime*. San Francisco, Center on Juvenile & Criminal Justice, 2010. 125 p.
24. Morris A. Critiquing the critics: A brief response to critics of restorative justice. *British Journal of Criminology*, 2002, no. 42, pp. 596–615.
25. Nugent W., Williams M., Umbreit M.S. Participation in victim-offender mediation and the prevalence of subsequent delinquent behaviour: A meta-analysis. *Utah Law Review*, 2003, pp. 137–166.
26. Storz R. *Strafrechtliche Verurteilungen und Rückfallraten*. Bern, Bundesamt für Statistik, 1997. 24 S.
27. Walgrave L. *Integrating Criminal justice and Restorative justice*. Willan Publishing, 2007.
28. Willemsens J., Walgrave L. *Europe*. Cullompton, Willan Publishing, 2007. 978 p.
29. Wright M., Zernova M. *Alternative visions of restorative justice*. Cullompton, Devon, Willan Publishing, 2007. 162 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кури Хельмут — профессор Института иностранного и международного уголовного права общества Макса Планка, доктор психологических наук, г. Фрайбург, Германия; e-mail: helmut.kury@web.de.

Ильченко Оксана Юрьевна — начальник научно-организационного отдела Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат социологических наук, доцент, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: ilchenko.oyu@dvfu.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кури Х. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт / Х. Кури, О.Ю. Ильченко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 120–129. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).120-129.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kury, Helmut — Professor of Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law, Doctor of Psychology, Freiburg in Br., Germany; e-mail: helmut.kury@web.de.

Il'chenko, Oksana Yu. — Head of Scientific Department, School of Humanities, Far Eastern Federal University, PhD in Sociology, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: ilchenko.oyu@dvfu.ru.

REFERENCE TO ARTICLE

Kury H., Il'chenko O.Yu. Mediation and Restorative justice as tendencies of modern criminal process: Russian and foreign experience. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 120–129. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).120-129. (In Russian).